

Информационная структура художественности

Information structure of artistry

Андреев А.Н.

д-р филол. наук, профессор, Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

e-mail: andreev58@mail.ru

Andreev A.N.

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University)

e-mail: andreev58@mail.ru

Аннотация

Автор анализирует важнейшие категории философии художественности, рассматривая истину, культуру, целостность, реальность как совокупность универсальных характеристик и понимания данного феномена. Эти универсальные категории обозначают соотношение в информационном объекте познавательного и приспособительного начал, выражают его антропологическую сущность.

Ключевые слова: художественность, целостность, коэффициент субъектности, культура, истина.

Abstract

The author analyses the most important categories of the philosophy of artistry, considering truth, culture, integrity, reality as a set of universal characteristics and understanding of this phenomenon. These universal categories denote the ratio in the information object of cognitive and adaptive beginnings, and express its anthropological essence.

Keywords: artistry, integrity, coefficient of subjectivity, culture, truth.

Художественность, как бы мы ни понимали этот феномен, всегда обладает свойствами целостности (не системности, что принципиально) [1].

Целостность – это качественная информационная характеристика, обозначающая так организованные (структурированные) свойства *объекта* (или ситуации, суть которой отношения между объектами, один из которых становится познавательно активным *субъектом*), когда доминантное качество, определяющее суть феномена, будучи рассогласованным со второстепенными, превращается в свою противоположность.

Буквально: суть целостности в том, что она может поменять свою суть. От главного до второстепенного – один качественный скачок.

Целостность – это воплощенный в структуре информации сгусток диалектики. При этом внутренние (качественные) характеристики «улавливаются» *сознанием* (превращающим объект в субъект, человека – в личность), а внешние (количественные) – *психикой*, и передаются, соответственно, понятиями и образами.

Это означает: для психики целостность как информационный сегмент универсума принципиально не познаваема, непостижима.

Даже еще проще: такого объекта для психики не существует и существовать не может, поскольку психика принципиально не обладает информационными возможностями превращения в субъект.

Однако без ощущения имманентных целостных признаков целостность не может стать «объектом» для сознания. Психика чувствует то, чего для нее не существует.

Таким образом, *отношение познания* само по себе есть модус целостности. *Отношение приспособления* – тоже, однако суть этого отношения уже иная, ибо *коэффициент «субъектности»* (активности и эффективности сознания) в данном случае иной настолько, что меняет качество отношения.

Фиксируются отношения познания в науке, а моделируются – в искусстве (это, так сказать, по умозрительной одномерной раскладке, без учета неизбежных диалектических осложнений, придающих любым отношениям характер целостных). Тем не менее, научно-познавательное отношение к результату художественно-приспособительных отношений, принимая во внимание коэффициент субъектности, позволяет выделить в последних в качестве автономного и «нерастворимого» познавательное отношение (целостность порядка идейно-концептуального, системного), которое может быть реализовано в контексте приспособительного отношения. Такова природа художественной целостности: с помощью образов передается информация, которая может транслироваться, казалось бы, только с помощью понятий.

Мир трудно познаваем как целостность, однако если познаваем, то именно как целостность. Именно поэтому целостность превращается в универсальную категорию, обозначающую соотношение в информационном объекте познавательного и приспособительного начал.

Для *цивилизации* характерен такой невысокий коэффициент субъектности (показатель личностного начала), при котором приспособление легко выдается за познание. Собственно, это и есть принципиальное условие существования цивилизации, которая является результатом бессознательной деятельности человека. *Культура* как альтернатива и преемница цивилизации (как более совершенный *тип управления информацией*) является пока что проекцией сознательного отношения, проекцией гипотетической реальности. Нельзя сказать, что культура есть продукт игры ума и воображения (т.е. все того же бессознательного), однако реальностью культуру тоже не назовешь. Культура реальна как движение от природы к культуре. Закон развития отношений – от приспособления к познанию. Этот закон и делает культуру завтрашней реальностью.

В этом контексте отношения *мужчины* и *женщины* можно рассматривать как реализацию природных отношений через духовно-информационные: приспособление тянется к познанию. Мужчина и женщина интересны друг другу «взаимной разнотой»; при этом в качестве субъекта выступает мужчина (личность), ибо его коэффициент субъектности выше, что и является гарантией гармонии взаимоотношений.

В этом же контексте целостность является модусом *гармонии*, информационного оптимума, в котором коэффициент субъектности становится показателем «*истины*»; «*добро*» здесь выполняет функцию вектора «от приспособления к познанию» (а не наоборот: от познания к приспособлению – это, если угодно, зло); что касается «*красоты*», то гармония как возможность существования смысла (понятий) в бессмысленном (чувственно воспринимаемом, образном) континууме обнаруживает свое эстетическое измерение, т.е. уникальную гносеологическую потенцию.

Таким образом, «истина – добро – красота» становятся факторами и показателями *художественности*. Причем решающим фактором и показателем является истина – то, что, казалось бы, лишает искусства его специфики. На самом деле по закону целостности, воплощающем «абстрактный» закон единства и борьбы противоположностей, усиливает специфику искусства единственно возможным способом: коэффициент субъектности, угрожая самой природе искусства, максимально выявляет возможности этой самой природы. Здесь все решает чувство меры, чувство смысла, чувство гармонии.

Антропологическая направленность подобной трактовки категорий целостность и художественность очевидна.

За примерами, подтверждающими наши теоретические выкладки, далеко ходить не надо. Различные методологии литературоведения (сегодня, скорее, области знаний, нежели гуманитарной науки) так или иначе основаны на комментарии идей, имплицитно присутствующих в произведении. Весь смысл «науки» сводится к вычленению и комментарию коэффициента субъектности, этому началу начал, «растворенному» в стиле, который в принципе может быть создан благодаря коэффициенту субъектности. Погрешности комментария – это погрешности в трактовке коэффициента. Преуспевают те методологии, которые не отрывают стиль от коэффициента субъектности, а, напротив, диалектически их соотносят [2].

Ясно, что коэффициент субъектности, будучи абстрактной величиной, всегда связан с конкретным проявлением мужского и женского начала в произведении. Обратим внимание на гносеологический аспект проблемы: мужчина и женщина – это не просто герои и героини произведений, не просто обязательные персонажи, о похождениях которых интересно читать читателям, все тем же мужчинам и женщинам, а способы воплощения универсальных отношений. *Отношения мужчины и женщины являются способом существования истины в художественном произведении.*

Вот почему отношения эти не могут быть делом вкуса: это дело закона. И не все писатели, художники слова одинаково чутки к закону художественности, суть которого таится в отношениях «истина – добро – красота». Все пишут об одном и том же, а вот результат получается изумительно разный. В эпоху цивилизации преобладает «женская» литература с крайне низким коэффициентом субъектности, литература, характеризующаяся тотальным доминированием бессознательного приспособления, которое выдается за познание. Вот почему большинство героев ведут себя как женщины, мужчин в литературе нет или почти нет. Точка отсчета всегда – женщина. Мир вращается вокруг женщины, и никто не способствует этому так, как мужчины, у которых на данном этапе информационного развития человека мужское начало только усиливает женское. «Мораль» (ценностный ориентир или, если угодно, смысловой остаток) всегда вычисляется согласно женской логике; именно бессознательно выведенная «мораль» и становится формой существования истины.

Истина превращается в инструмент и категорию бессознательного.

В данном контексте «истина – добро – красота» меняют свое содержание на прямо противоположное, и коэффициент субъектности (разумности) превращается в коэффициент «объектности» (неразумности). Бессмысленно оперировать бессмысленной категорией, поэтому методологии гуманитарных наук просто не на что опереться.

Иными словами, в эпоху цивилизации литература и, конечно, литературоведение обслуживают приспособительное отношение к миру и к себе.

Поскольку нет пока иного – познавательного – отношения, нет и «мужской» литературы. Есть только отдельные образцы, например, «Евгений Онегин» А.С. Пушкина; однако «мужской» литературы как культурного явления пока не существует.

Литература

1. Аксиомы персонцентрического литературоведения. Пособие для студентов филологического факультета. – Минск, БГУ, 2015. – 223 с.
2. Андреев А.Н., Кащенко Т.Л., Юлина Г.Н. Глобализация как литературное явление // Власть. – 2019. – № 1. – С. 86–91.
3. Кащенко Т.Л., Положенцева И.В., Пилюян М.Г. Феномен исторической памяти в XXI в. // Журнал исторических исследований. – 2019. – Т. 4. – № 1. – С. 46–50.
4. Пилюян М.Г. Домашнее образование дворянок как важнейшая составляющая женского образования в России: исторические особенности // Журнал исторических исследований. – 2018. – Т. 3. – № 3. – С. 42–48.

5. *Пилоян М.Г.* Зарождение женского образования в Российской империи//Журнал педагогических исследований. – 2018. – Т. 3. – № 3. – С. 1–7.
6. *Пилоян М.Г.* Формирование организационных принципов системного развития науки и образования в России по идеям Г.В. Лейбница//Журнал исследований по управлению. – 2018. – Т. 4. – № 7. – С. 68–75.
7. *Шатило И.С., Кащенко Т.Л.* Гуманитарная культура как феномен духовности // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. – 2013. – Т. 2. – № 3 (4). – С. 10–19.
8. *Шафажинская Н.Е., Кащенко Т.Л., Положенцева И.В., Юлина Г.Н.* Духовные основы русской словесности, культуры и искусства. Учебно-методическое пособие для программы повышения квалификации педагогических работников системы образования / Москва, 2019.